

ЛЮДИ,

МОРЕ, КОРАБЛИ

ВЯЧЕСЛАВ ПРЫТКОВ

Морские истории и байки

Вячеслав Прытков

Люди, море, корабли

«ИП Каланов»

2019

Прытков В. Ю.

Люди, море, корабли / В. Ю. Прытков — «ИП Каланов»,
2019 — (Морские истории и байки)

ISBN 978-5-6042238-9-5

Книга является продолжением «Сборника коротких историй о людях, любящих родину, море и корабли». Её исторические миниатюры воссоздают время зарождения русского флота, рассказывают о героическом участии русских моряков в период обороны Порт – Артура, войны с Японией, во время Первой мировой войны, а также о некоторых эпизодах Великой Отечественной войны 1941–1945 г. Герои книги – люди, любившие свою родину, служившие Отечеству на разных флотах России, с честью пронёсшие славный Андреевский флаг, никогда его не спустив.

ISBN 978-5-6042238-9-5

© Прытков В. Ю., 2019
© ИП Каланов, 2019

Содержание

«Шхипман» Федосей Склеяев	6
Кортик гангутца	9
Русский англичанин – Роберт Кроун	12
Русский волонтер Трафальгара	15
«Тривенто» Фёдора Довконта	18
Из моряков в художники	21
Запретная любовь	25
Командир миноноски	28
Военмор Беломор	31
Продолжатели славной фамилии	33
«Выбираю море»	36
Фёдор Рейнгард: «умереть на родине»	38
Морской вояж Карла Брюллова	41
В служении музыке и флоту	44
Кильский поход Леонида Белова	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вячеслав Прытков

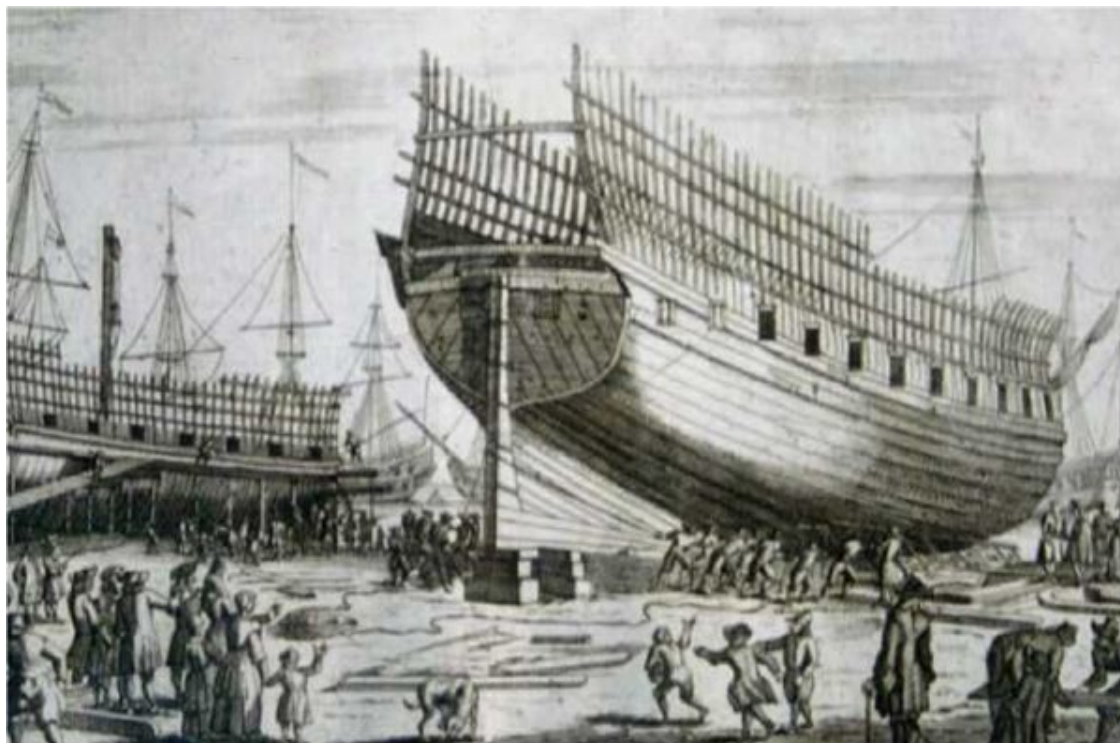
Люди, море, корабли

*«Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно:
не уважать оной есть постыдное малодушие»*

А. Пушкин

© Вячеслав Прытков

«Шхипман» Федосей Склеяев

На широкой озёрной глади покачивались корабли – галеры и брандеры, построенные недавно на верфи у села Васьково. Как изменилась эта живописное место с тех пор, когда молодой царевич Пётр Алексеевич стал осуществлять свой план создания большой флотилии на Плещеевом озере. В устьи реки Трубеж, впадающей в озеро, была построена судовой верфь, рядом появились мастерские для изготовления корпусов кораблей и мачт, амбары, сараи, кузницы, конюшни, избы. Для уже оснащённых малых судов прорыли канал, по которому их сплавляли прямо в озеро. Иностранцы мастера – корабельщики облюбовали себе место для отдельного проживания, да и сам Пётр Алексеевич поселился в небольшом деревянном домике рядом с верфью.

Наступал торжественный момент: сегодня на воду спускался 30 – ти пушечный корабль «Анна». Корабел Федосей Склеяев, как и многие другие, вложившие столько труда в постройку этого судна, пришёл на берег. Волнение охватило всех, в том числе и самого Петра Алексеевича. Вот, наконец, корабль сдвинулся с места и заскользил по деревянным каткам, не спеша вошёл в озеро, закачался на волнах. Грянуло громогласное «ура», а вслед за ним произведён был оружейный салют. Долго ещё не стихал колокольный звон Спасо – Преображенского собора и других колоколен Переяславля – Залесского.

Немало воды утекло с тех пор, когда сын царского конюха Моисея Склеяева – Федосей вместе с другими боярскими «малыми робятками» попал в «потешный Петров полк», созданный царём Алексеем Михайловичем для занятий своего сына Петра. Было это в селе Преображения Господня, где и родился Федосей. Его детские годы прошли вместе с юным царевичем Петром в занятиях, которые и детскими – то назвать нельзя, а точнее «робятки» овладевали настоящим искусством воинским. Вооружённые «потешные» одетые в иностранные кафтаны ходили солдатским строем под барабанный бой, учились стрелять, брать штурмом специально построенную крепость Прешбург. Особенно полюбилась Федосею стрельба бомбами из настоящей мортиры, за что Пётр Алексеевич нарёк своих сверстников бомбардирами. Многому научил «потешных» солдат голландец из Немецкой слободы Франц Тиммерман. Он заинтере-

совал их военно – инженерным делом, точными науками, основами артиллерии. В 1691 году из «потешного войска» Пётр Алексеевич создал два гвардейских полка – Преображенский и Семёновский.

Числившийся бомбардиром, Федосей Склаев стал преображенцем. Всезнающий голландец Тиммерман, будучи с Петром Алексеевичем в приятельских отношениях, привил ему интерес, а затем и любовь к морскому делу и кораблям, особенно после плавания на найденном ими старом английском ботике. Наставник Франц рассказывал Петру о голландских кораблях – куттерах¹, бойерах² и яхтах (ботах, привязанных к лошади, шедшей по яхтпфаду – дороге, проложенной по берегу канала). В скором времени река Яуза и местность к югу от дворца, по другую сторону Стромынской дороги целиком приковала взоры Петра Алексеевича. Близлежащие леса, не чекрыжник³ какой – то, послужили хорошим материалом для лесопильной мельницы и корабельной верфи. Вот уж не думал юный Федосей, что придётся ему зело потрудиться плотником, показать всю свою молодецкую буесьть⁴, на строительстве первых кораблей Петра – шняках и стругах. Нелёгкую науку постигал молодой бомбардир, принимая участие в изготовлении незнакомых доселе корабельных частях, называемых по-голландски как-то диковинно, но тут на помощь приходил всё тот же Франц, и дело спорилось. Тиммерман стал именовать неопитов – кораблестроителей иноземным словом «шхипманы». Пётр Алексеевич быстро заметил сноровистого и смекалистого Федосея и приблизил к себе, сделав доверенным лицом. Нередко сам Пётр, не чураясь любой работы, плечом к плечу с «шхипманами» трудился на судоверфи.

Прошло время, и узкая река Яуза, а затем и Просяной пруд в Измайлово стали слишком тесными для петровских кораблей его «потешной флотилии». Не устроили Петра Косино и Белозеро.

Однажды, Пётр Алексеевич поделился с Федосеем одним личным обстоятельством, даже тайной, рассказав о своей связи с дочерью дьяка государевой палаты – Натальей Ивановной Взимковой, которая, чтобы замять скандал была сослана в 18 лет в Переяславский Федоровский монастырь, став монахиней. Поэтому молодого Петра Алексеевича тянуло в городок Переяславль – Залесский, расположенный недалеко от Москвы. Впервые, в 1688 году, посетив эти места, Пётр, очарованный красотой и ширью Плещеева озера, волны которого всегда плещутся даже от небольшого ветерка, понял, что более лучшего места для постройки новых кораблей не сыскать. Вместе с другими «шхипманами» Гаврилой Меньшиковым, Лукьяном Верещагиным Федосей Склаев принимал участие в освоении нового места. Русским корабелам помогали голландские мастера Карстен Брандт и Ариенн Меэтье. С февраля 1692 года Пётр находился на стройке, он даже предложил соревноваться в сооружении корабля с известным голландским мастером Ариенном Меэтье. Набрав рабочую ватагу из 16 мастеровых, среди них и Федосей Склаев, он к весне завершил строительство корабля, опередив голландца, не смотря на то, что неоднократно прерывал работу, уезжая в Москву.

Более 80 различных судов – шлюпов, лодок, галер торжественно сходили на воду Плещеева озера, всякий раз наполняя радостью души русских корабелов. Вооружённые артиллерией и экипированные, они стали первым русским флотом Петра I. А “лучший в своём мастерстве”, как называл Федосея Склаева сам царь, стал позднее янхагелем⁵ галеры, участвовал в Азовском походе, совершенствовал своё мастерство корабела в Венеции, работал на верфях Голландии и Англии, был главным создателем первого русского линейного корабля “Гото Пре-

¹ Куттер – небольшое морское судно, отличавшееся необычайной маневренностью.

² Бойер – грузовое парусное судно с малой осадкой для каботажного плавания.

³ Чекрыжник – мелкий лес, годный только на дрова.

⁴ Буесьть – (древнерусск. – удаль)

⁵ Янхагель – (голландск. – матрос).

дестинация” (“Божье Предвидение”) и многих других боевых кораблей, принёсших славу российскому флоту.

Кортик гангутца

Накануне Густав Эссен (Ессен) узнал от отца, что он зачислен на учёбу в Навигацкую школу. Известие это было не таким уж неожиданным для юноши, так как в доме Эссенов всё напоминало о морской службе отца Густава – Курта Эссена. Густав на миг представил, как он будет ходить на занятия, одев голубой бострог⁶ и зелёную шляпу с высокой тульей и широкими, загнутыми вверх полями, как пойдёт ему припудренный мукой парик с косами, а преодолев три ступени обучения, начнёт практиковаться на настоящих морских судах. Он продолжит дело отца, с честью послужившего русскому флоту.

⁶ Бострог – голландское платье (голубое или чёрное), одежда слушателей Навигацкой школы.

Густав гордился своим отцом, который участвовал в сражении при Гангуте, сам русский царь Пётр наградил его за храбрость абордажным кортиком. Кортик стал самой дорогой реликвией в доме Эссенов. Юноша часто бережно брал его в руки, рассматривая длинное, более полуметра лезвие, по которому славянской вязью шла выгравированная надпись «За храбрость!» На верху рукояти имелся специальный абордажный крюк, используемый в бою. Металлический наконечник кожаных ножен был украшен двуглавым орлом, увенчанным короной.

Древний род Эссенов происходил из голландской провинции Гельдерн из Вестфалии, откуда его предки в XVI веке переселились в Балтийский край. Как и многие другие иностранцы, перешедшие на службу в Россию, Курт Эссен изъявил желание служить под Андреевским флагом. В чине поручика он в 1711 году попал на корабль Азовского флота, базировавшегося в морской крепости Троицк (Таганрог). Хорошо укреплённая первая российская военно-морская база, имевшая превосходную гавань, защищённую морским фортом Черепаха, являлась важным аванпостом русского флота. Из Троицка Курт был переведён в Черкасск – столицу Донского войска в Раздорскую Петровскую гавань.

Шёл 14 год Северной войны. Пётр усиливал молодой Балтийский флот, в составе которого имелись три линейных корабля, три фрегата и две шнявы⁷. Основу же группировки составляли скампавей⁸ и большие галеры. Эти маневренные и достаточно быстроходные весельные суда, как нельзя лучше подходили для плавания в узкостях балтийских шхер, разбросанных у побережья Балтийского моря.

Дальнейшая служба Курта Эссена проходила на Балтике, в акватории ревельской гавани. Галерная флотилия, предводительствуемая Петром Михайловым (такой фамилии удостоил себя сам царь), отправилась на помощь русскому флоту генерал – адмирала Фёдора Апраксина, зажатому в Тверминне⁹ превосходящим шведским парусно-гребным флотом вице – адмирала Густава Ватранга. Галера, на борту которой находился Курт Эссен, была большой, имела две мачты с треугольными парусами. На носу, под помостом размещались три медных 5-ти фунтовых пушки, а чуть сзади – одна 24-х фунтовая главное артиллерийское орудие судна.

Помимо палубной команды и гребцов на галере находилась сотня солдат абордажной команды под началом самого Курта.

Неожиданный маневр Петра – бросок русских галер по суше через сооружённый бревенчатый настил в мелководье Рилакс-фьорда¹⁰ способствовал ослаблению и разделению группировки Ватранга на две части, одна из них под командованием шведского контр – адмирала Нильса Эреншельда перебрасывалась в Рилакс-фьорд. Здесь русские галеры сошлись в бою со шведским парусно-гребным фрегатом «Слон», 6 – ю большими галерами и 3-мя шхерботами. Завязалась ожесточённая шармицель¹¹. Картечь со шведских кораблей не давала приблизиться русским галерам, и главный козырь балтийцев – абордажный бой никак не мог осуществиться. Наконец, после перестройки к фланговым атакам и маневрирования, используя наступивший штиль, галеры близко подошли к шведам на абордаж не смотря на большие потери в личном составе. На высокие борта шведского флагмана «Слон» полетели «кошки», по штурмовым трапам карабкались с абордажными топорами и кортиками атакующие солдаты с русских галер. Жестокая сеча началась на палубе «Слона». Галера с солдатами Курта Эссена пошла на абордаж со шведским шхерботом. Курт, подавая пример своим солдатам, первым взобрался на борт вражеского судна. После упорного сопротивления шведские экипажи сдались, спуская по

⁷ Шнява – (или мункер от фр. «mon coeur» – «сердце моё» – петровский двухмачтовый корабль, вооружённый 14-ю трёхфунтовыми орудиями и экипажем в 70 человек).

⁸ Скампавея – (от ит. «scampare» – «спасаться», «via» – «путь») – малая весельная галера, имевшая 18 пар весел и 1–2 мачты с треугольным парусом.

⁹ Тверминне – бухта, расположенная у полуострова Гангут (Ханко).

¹⁰ Рилакс-фьорд – находится севернее полуострова Гангут, у острова Лаккисёр.

¹¹ Шармицель – (от нем. «перестрелка, стычка»).

флагштоку синие с жёлтым перекрестием флаги. Корабли Ф. Апраксина довершили разгром остального шведского флота. Это была первая большая морская виктория России.

Пётр I оставил такую запись в своём походном журнале: «Воистину нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абординование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечью, но духом порохом от пушек разорваны...»

Сын Курта Эссена – Густав после окончания Навигацкой школы¹² в 1723 году стал гардемаринном, в 1727 – произведён в мичманы и назначен адъютантом к адмиралу П. Сиверсу. Фрегат «Принцесса Анна» стал его родным кораблём, на нём в период с 1737 по 1739 годы лейтенант Густав Эссен нёс брандвахту¹³ на Балтийском море, в акватории Ревеля, а в 1740 году назначен командиром этого корабля. В отставку вышел капитаном.

С тех пор славную традицию беззаветного служения российскому флоту за двухсотлетний период продолжили 12 представителей рода Эссенов, среди них – адмирал Николай Оттович фон Эссен¹⁴ (1860–1915) – командующий русским флотом Балтийского моря, замечательный флотоводец, далёкие предки которого верой и правдой служили России.

¹² Навигацкая школа – первая в России школа, готовившая профессиональных моряков, открыта в 1701 году в Москве.

¹³ Брандвахта – несение караула на сторожевом корабле в акватории порта.

¹⁴ Фон Эссен – приставка «фон» к фамилии дана, как потомку остзейского дворянства, вместе с титулом барона.

Русский англичанин – Роберт Кроун

Их уже ничего не удерживало в Лондоне. Супруги – Роберт и Марта на днях уезжали в Россию. Роберт Кроун так и не стал лейтенантом британского флота, хотя и выполнял официальные офицерские обязанности на фрегате «Диана». Он принял окончательное решение служить в русском флоте, разуверившись в обещаниях английского Адмиралтейства.

Правда, было какое-то горестное чувство, запрятанное где-то в глубине души, щемившее сердце. В Шотландии, в родовом поместье, осталась старушка – мать, которую он навещал на днях, сказав, что уезжает во Францию. Не хотел расстраивать, понимая, мать представляла Россию очень дикой и опасной страной. Знал, что покидает родину навсегда и уже никогда не увидит ту, которая так трогательно заботилась и переживала за него, предрекая сыну спокой-

ную и мирную работу дома. В тот миг Роберт подумал и о Марте, на родине у неё уже никого не осталось, она вдова, поэтому ей было, наверно, легче. С первых дней супружеской жизни Марта прекрасно его понимала, зная, у него, с детства мечтавшего о море, нет больше другой цели в жизни, кроме морской службы.

Неспокойными были тогда времена для России. Молодому ещё Балтийскому флоту противостояли мощные морские силы Швеции, державшие под контролем, как побережье, так и море. Суровая русская зима встретила Кроунов в Кронштадте. Замёрзли заливы, и русский флот стоял на приколе. Экипажи кораблей зимовали на берегу.

День 1 февраля 1788 года Роберт запомнил на всю жизнь: его приняли на русскую службу лейтенантом на линейный корабль «Иоанн Креститель». Он с интересом рассматривал своё судно, запорошенное снегом, укутанное на зиму парусиной, опытным взглядом определяя его возможности.

За изучением русского языка проходили зимние вечера. Сослуживцы переименовали Роберта на Романа Васильевича, Марту стали величать Марфой Ивановной. Приближалось начало навигации, корабли готовились к выходу в море. Морские офицеры с радостью ожидали с весной возобновление кампании, сулившее существенную прибавку к жалованью. Сам Деви Джонс – английский дух моря полностью овладел душой Роберта, теперь уже Романа Васильевича.

С первых дней несения службы на линейном корабле «Иоанн Креститель», который под флагом вице – адмирала В. Фондезина вёл поиск шведских судов в проливах Балтийского моря, лейтенант Кроун проявил себя, как исполнительный и грамотный морской офицер, отмеченный командованием.

За сравнительно короткое время Роман Васильевич был произведён в капитан – лейтенанты, получив под своё начало куттер «Меркурий» – парусно – гребное судно, приобретённое в Англии и отличавшееся маневренностью, свойством так необходимым для плавания в узкостях балтийских шхер. Блестящая идея, как говорят англичане, «the brain wave», внезапно нахлынувшая, пришла в голову капитан – лейтенанта Кроуна – временно маскировать свой корабль под купеческое судно, вводить в заблуждение шведские корабли, получая выгодный выбор дистанции для артиллерийской атаки. Теперь перед каждым выходом в море куттер «Меркурий» превращался в «купца» – команда в разношерстных одеяниях небрежно управлялась с парусами, в безветрие налегая на вёсла, а всё что могло выдать принадлежность к военному кораблю, тщательно укрывалось. На гафеле реял флаг нейтральной страны. Действуя таким образом, без опаски подходя к противнику, а затем неожиданно сосредоточив всю свою огневую мощь на поражение цели, Р. Кроун вынуждал сдаваться шведские корабли один за другим и до конца 1788 года захватил 29 судов и транспортов.

Команда куттера «Меркурий», ведя счёт морским победам, получала денежную премию за каждый «приз» – пленённый корабль.

Полученное вознаграждение Р. Кроун решил использовать на перевооружение своего судна. Он заказал в Шотландии новейшие по тем временам лёгкие скорострельные корабельные пушки – каронады для установки на «Меркурии», закупил специальные боеприпасы цепные книппели – снаряды для разрушения такелажа и рангоута.

Марта, всё время оставаясь на берегу, умоляла Роберта взять её на корабль. После долгих колебаний, зная о плохой примете, бытовавшей у моряков всех флотов, он решился. Ведь у бога морей Посейдона тоже была жена Амфитрита, сопровождавшая его, а Роберт пусть не бог морей, но зато командир, отвечающий за всё в походе.

Весной 1789 года у острова Борнхольм куттеру «Меркурий» удалось захватить шведский 12-ти пушечный тендер «Снапоп». Допрашивая пленных шведов, Кроун узнал о расположении их кораблей. Поблизости, укрывшись в шхерах, поджидал русские корабли шведский 44-х пушечный фрегат «Венус». Не смотря на значительный перевес «шведа» в вооружении и

размерах, Кроун поспешил на поиски противника. «Меркурий» по-прежнему выдавал себя за купеческий корабль, а его команда уже готовилась к бою. Роберт приказал экипажу натянуть шёлковые чулки и разбрызгать по палубе горячий уксус. Считалось, что при ранениях в ноги, обрывки шёлка, попадающие в рану, были менее опасны при инфекции, чем обычные лоскутья, а уксус отбивал неприятный запах крови и способствовал очистке палубы от неё. Найти фрегат «Венус» и приблизиться к нему было делом несложным. Залпы из каронад «Меркурия» пришлись по такелажу «Венуса», однако, и шведы «не дремали». На «Меркурии» появились первые убитые и раненные. Марта принялась перевязывать раненных моряков, рискуя каждый раз быть сражённой картечью. Сказывалась высокая скорострельность каронад, которая превосходила частоту залпов пушек шведского фрегата. На «Венусе» рушились надстройки, в корпусе зияли пробоины. Шведы поняли, что дальнейшее сопротивление бесполезно и капитулировали. В результате этого боя 302 члена экипажа фрегата было взято в плен, а потери «Меркурия» составили 4 человека убитыми и 6 раненых.

После этого боя у Ричарда нашлись недоброжелатели, прознавшие о нахождении на «Меркурии» его жены Марты и известившие об этом высокое начальство, но злопыхатели остались ни с чем. Известие о мужестве русских моряков и их командира дошло до самой Екатерины, которая присвоила Роману Васильевичу Кроуну звание капитана 2 ранга, пожаловав ему орден св. Георгия 4 степени. Марфа Ивановна – Марта Кроун удостоилась высшей женской российской награды – ордена св. Екатерины, не смотря на то, что им награждались исключительно высочайшие и знатные особы.

Впереди у Романа Васильевича Кроуна были новые блистательные победы и награждения. Став адмиралом, он отдал службе в России 53 года, никогда не изменяя любимому английскому выражению: «STIFF UPPER UP» – «НЕ ТЕРЯТЬ БОДРОСТИ ДУХА» НИКОГДА И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Примечание к тексту – в исторических документах не найдено, какое имя было у Марфы Ивановны в Англии, до приезда в Россию, поэтому автору пришлось прибегнуть к вымышленному, наиболее близкому для перевода на русский лад – Марта.

Русский волонтер Трафальгара

Очнувшись, Мардарий¹⁵ какое-то время не мог понять, где находится. Постепенно сознание вернулось к нему, и он разглядел красные стены мичманской кают – компании корабля, на время боя превращённой в пункт приёма раненых. Помещение было полностью заполнено стонущими и кричащими от боли моряками – комендорами¹⁶, получившими раны и увечья. То тут, то там мелькали белые халаты дока и санитаров, оказывающих первую помощь особо пострадавшим. Эти стоны и крики сливались в грохоте корабельных орудий и разрывов ядер, превращаясь в страшную какофонию, пронзавшую мозг.

Мардарий вдруг почувствовал лёгкое прикосновение и увидел, как над ним склонился юнга – «пороховой мальчик» («Powder boy»). На лице, чёрном от пороховой гари, блестели лишь глаза, полные признательности и сострадания:

– «Sir! You saved life to me, I it will never forget!» «Сэр! Вы спасли мне жизнь, я этого никогда не забуду!»

– «Nothing, nothing, my boy, we will live yet!» «Ничего, ничего, мой мальчик, мы ещё поживём!» – ободряюще произнёс Мардарий, пожав руку юнги.

Линейный стопушечный корабль 1 ранга «Ройал Соверен», на котором служил волонтером мичман Мардарий Васильевич Милюков, шёл во главе правого дивизиона английских кораблей, спешащих навстречу соединённому испано – французскому флоту, в тот памятный осенний день начала Трафальгарского сражения. На стеньге фок – мачты младшего флагмана реял вымпел контр – адмирала лорда Катберта Коллингвуда. Левый дивизион кораблей вёл сам Горацио Нельсон на «Виктории». По тщательно разработанному плану английские корабли

¹⁵ Мардарий – имя жителя Араураки – мученика, ставшего впоследствии святым, принявшего мученическую смерть за христианскую веру, также, как и другие святые – Евстратий, Авксентий, Евгений и Орест во время гонений на христиан при императоре Диоклетиане (284–305 г. г.) Милюков получил это имя в честь своего дяди – Мардария Ивановича Шеншина – благодетеля семьи.

¹⁶ Комендоры – морские артиллеристы.

двумя колоннами должны были прорезать растянувшееся большой дугой расположение флота противника, уничтожив его в ближнем бою. 27 английских кораблей Г. Нельсона общей численностью экипажей в 18 тысяч человек были готовы вступить в схватку с врагом.

«Ройял Соверен» первым оказался у строя испано-французских кораблей. На верхнюю палубу поднялся контр – адмирал Коллингвуд, игнорируя предостерегающие замечания командира снять треуголку, которая скоро могла стать лёгкой мишенью для стрелков противника, он невозмутимо расхаживал, отдавая распоряжения, и ел яблоко.

Тем временем, «Ройял Соверен» оказался между двумя вражескими кораблями, оставив далеко позади свой дивизион. Экипажу пришлось в течение почти двадцати минут вести бой с превосходящими силами противника. Бортовыми залпами «Ройял Соверен» крушил окружающие его суда. В ходе короткого боя, пока не подоспели отставшие корабли, флагман понёс ощутимые потери, лишившись фок и бизань мачт, части такелажа.

Мичман Мардарий Милюков, приписанный к секции подпалубных комендоров, находился в момент боя у одного из бортовых орудий. Английские комендоры, в отличие от испанских и французских, благодаря безукоризненной выучке стреляли чаще (на один залп врага они отвечали тремя залпами). Каждую пушку обслуживали 12–15 человек и один «пороховой мальчик», подносящий мешок с порохом. Порой, от его расторопности зависело многое. Сейчас, в ближнем бою комендоры закладывали в жерло пушки помимо одного, ещё два ядра.

Крики расчёта пушки мичмана Милюкова – «Sink them all!» («Топи их всех!») тонули в грохоте выстрелов и откатов орудия. Только успел «пороховой мальчик» пропасть в недрах корабля за очередной порцией пороха и вновь появиться, как вдруг разрыв вражеского ядра со страшным грохотом разворотил пушку, разметая расчёт в подпалубном пространстве. Мардарий, оказавшийся рядом с «пороховым мальчиком», успел только накрыть его своим телом, но сам сильно ударился головой о что – то твёрдое.

Вскоре пять английских кораблей пришли на помощь линкору «Ройял Соверен». Более ста человек на нём были убиты или ранены. В целом, после пятичасового сражения испанцы и французы потеряли 18 кораблей, англичане – ни одного.

Памятным было для мичмана Милюкова Трафальгарское сражение. Ещё три года прослужил он на разных кораблях в английском флоте, попав туда в качестве практиканта – волонтера после успешного окончания Морского Кадетского корпуса. В то время лучших будущих офицеров направляли перенимать богатый опыт морского дела на, считавшийся тогда передовым, флот «владычицы морей». Они учились командовать, овладевали премудростями навигации, работы с парусами и артиллерийскими навыками. Мардарию пришлось это делать в настоящем бою.

Только осенью 1808 года он вместе с другими русскими волонтерами вернулся домой на корабле вице – адмирала Д. Сенявина, специально прибывшего в Англию. 1 марта 1810 года знаменитый волонтер получил звание лейтенанта русского флота. Под командой Мардария Милюкова начинали свой путь в море и учились у него – будущий адмирал флота П. Нахимов, декабрист Д.

Завалишин, литератор В. Даль, герои Наваринского сражения – И. Бутенёв и А. Рыкачёв.

Вот как вспоминал о нём Д. Завалишин: «Милюков считался первым во флоте знатоком морского дела. . . . был самый пылкий и отважный человек. . . . говорил на английском в совершенстве, был воспитан на английском флоте.»

Мардарий Милюков (1789–1862) провёл в море около двадцати полугодовых кампаний, дослужился до капитана 2 ранга, помимо памятной медали адмирала лорда К. Коллингвуда в честь Трафальгара награждён орденом св. Георгия 4 степени и св. Станислава с императорской короной. Он был настоящим моряком от бога, видимо, не случайно носил редкое для русского человека имя Мардарий – имя святого мученика, бесстрашно отдавшего свою жизнь за христианскую веру со словами: «Я ХРИСТИАНИН!»

Примечания: «красные стены мичманской кают – кампании» – помещение, как и другие, отведённые во время боя для раненых на английских кораблях, специально выкрашивались в красный цвет, чтобы психологически настроить раненых не бояться собственной крови.

«Тривенто» Фёдора Довконта

Он любил гулять по старой колониальной части Буэнос-Айреса или, как его вкратце здесь называли Байреса. Отсюда можно было выйти к берегу, там где коричневые воды реки Ла-Платы вливаются в необозримую океанскую ширь. Многомиллионная столица Аргентины – город контрастов и эмигрантов уже давно стала его обителью, и он, как и коренные жители вполне мог называть себя «портенъос» – «обитателем порта». Правда, за годы жизни в Байресе так и не смог привыкнуть к популярному напитку фернету¹⁷ и аргентинскому чаю – матэ. Город был действительно «портом Добрых Ветров», куда на склоне лет забросила его судьба.

¹⁷ Фернет – горький травяной ликёр, распространённый среди жителей столицы Аргентины.

Большое семейство Довконт – выходцев из Литвы проживало в Петербурге, в доме на набережной Фонтанки. Дед Фёдора – Юргис – врач, закончивший петербургскую медицинскую академию, слыл знаменитым и популярным специалистом не только в России, но и за её пределами. За большой вклад в медицину был отмечен даже английской королевой Викторией. Довконт принадлежали к богатому польско-литовскому роду, у себя на родине, в Литве, входящей тогда в состав царской России, владели несколькими поместьями и обширной собственной землёй. Поэтому проживание и получение образования в северной столице для них не представляло особых трудностей. Отцом Фёдора был один из трёх сыновей петербургского врача – Юлий, после обучения в университете получивший степень кандидата права.

Детские и юношеские годы Фёдора Довконта прошли в Петербурге, он закончил 3-ю гимназию. Отец умер рано, в 27 лет, заботу о его жене и сыне взял на себя дед, определивший Фёдора воспитанником в морской корпус. Морская служба увлекла юношу. Гардемарин, мичман, лейтенант. Ходил на эскадренном броненосце «Слава», который во время первого учебного плавания вместе с другими кораблями – эскадренным броненосцем «Цесаревич» и крейсером «Богатырь» посетил порты Бизерту и Тулон. В 1908 году, когда эср «Слава» находился в сицилийском порту Мессина, там произошло страшное землетрясение, и Фёдор вместе с экипажем корабля принимал участие в спасении и эвакуации жителей пострадавшего города. Проходил службу на линейном корабле «Император Павел I», учился в Николаевской морской академии, затем на дополнительном курсе при ней. Грамотный морской офицер Фёдор Довконт был назначен в штаб Командующего флотом в Балтийском море на крейсер «Россия». Оперативная работа, а позднее сбор и анализ разведывательных данных позволили ему досконально разобраться в сложившейся тогда в России предреволюционной ситуации. Моряки – офицеры штаба – Довконт, Ренгартен, Альтфатер отказались от прямого участия в заговоре, готовившемся в Думе, против Николая II. В 1915 году, в составе русского экспедиционного корпуса старший лейтенант Фёдор Довконт воюет с немцами во Франции.

В переломные революционные годы взгляды и мировоззрение Фёдора Довконта резко менялись. Сначала он приветствует свержение монархии, увлекается социализмом – новым общественным строем, публикует статьи на тему социалистической революции, читает лекции, однако, восторженные чувства и мысли проходят. В стране разруха, армия и флот на грани развала, многие его сослуживцы стали жертвами красного террора. Капитан 2 ранга Фёдор Довконт, находясь в Гельсингфорсе, прощается с последним командующим Балтфлотом А. Щастным, уводящим корабли в «ледовый поход». Будучи в независимой Финляндии, Фёдор избежал печальной участи многих морских офицеров. Можно считать, ему повезло.

Ещё в детстве дед рассказывал Фёдору о земле предков – маленькой Литве, балтийском янтарном крае, о жемайтском городке Тельшяй, где сам учился, о своём имени в селе Дадоткай. Решение вернуться на историческую родину пришло не сразу, не хотелось расставаться с морем, поэтому Фёдор, перебравшись на Чёрное море, ещё некоторое время служил в английских и голландских фирмах, был помощником капитана на торговом корабле. Только в 1922 году он переехал в Литву. Республике были нужны опытные офицерские кадры. В Каунасе Ф. Довконт, именовавшийся теперь Теодорасом Даукантасом, становится заведующим научной частью высших офицерских курсов, организывает подготовительную морскую школу, преподаёт географию в университете. Он владел несколькими иностранными языками. Позднее, уже доцент Вильнюсского университета – Теодорас Даукантас направляется Генеральным консулом в Бразилию.

Сейчас трудно судить, высокий ли ранг старшего морского офицера, либо помощь братства «вольных каменщиков», в котором он состоял в России, сыграли определяющую роль в становлении стремительной и блестящей карьеры Теодораса Даукантаса. Он несколько раз избирался депутатом литовского сейма, а затем входил в состав правительства Литвы. За заслуги в деле становления литовской армии получает звание генерал-лейтенанта, дважды

занимает пост министра обороны. Перед второй мировой войной назначается послом Литвы в Аргентине. По возвращении в Литву семья Даукантасов не избежала репрессий. Однако, за участие в антифашистской деятельности Теодорас был освобождён и какое – то время преподавал в гимназии, а в 1944 году через Тельшяй, Клайпеду перебрался в Германию, эмигрировав оттуда в Аргентину.

Ему казалось, что в Байресе он живёт очень давно. Иногда приходилось встречать бывших моряков, служивших в Российском Императорском флоте в разных чинах и званиях и жить среди «земляков» – эмигрантов с исторической родины. Теодорас посещал Русскую католическую миссию, писал статьи в еженедельную газету Русского христианского возрождения – «За правду», подписывая их двойной фамилией Т. Даукантас – Довконт, как – будто стремился подчеркнуть свою верность давнего служения, как РОССИИ, так и ЛИТВЕ.

10 апреля 1960 года в Буэнос – Айресе от разрыва сердца умер Фёдор – Теодорас – Довконт – Даукантас. Только в 1997 году его останки были перезахоронены в Литве, в Каунасе, на Кармелавском кладбище.

А три ветра – «тривентум»¹⁸ по-прежнему сменяют в Аргентине один другого, подобно давно прошедшим этапам удивительной жизни этого незаурядного человека, вплетённым в бесконечную вязь времён.

¹⁸ Сонда – тёплый весенний ветер, пробуждающий природу. Судестада – свежий летний ветер – бриз, охлаждающий от жаркого солнца. Полар – зимний ветер, зарождающийся на восточных склонах Анд, проносящийся через пампасы, особенно силён в устье реки Ла – Плата.

Из моряков в художники

В 1845 году Российский императорский флот пополнился новейшим пароходом – фрегатом «Камчатка», построенным специально по заказу в Америке на нью-йоркской верфи Уильяма Брауна. По тем временам это было лучшее колёсное судно, способное развивать отменную скорость в 12 узлов, благодаря мощной паровой машине в 540 л.с. «Камчатка» обошлась России в кругленькую сумму – более чем в 450 тысяч долларов, но корабль стоил того, американцы даже выражали сожаление, что он предназначался русским, а не для собственного флота. В Америке надзор за постройкой «Камчатки» осуществлял прибывший туда капитан 1 ранга И. Шанц, ставший впоследствии её командиром.

Позволим себе небольшое отступление в начале нашего рассказа, так как именно это судно сыграет большую роль в судьбе героя повествования – лейтенанта Алексея Петровича Боголюбова.

Воспитанник Морского корпуса и Гардемаринской роты, он, также как и его брат Николай, начинал свою жизнь с флота. Служба Алексея проходила под руководством известных командиров – В. С. Нелидова (бриг «Усердие»), А. А. Дурасова («Вола»), а соратниками были почтенные и опытные моряки – И. Ф. Крузенштерн, Гейден, братья Лазаревы – Михаил и Андрей, Ф. Ф. Беллинсгаузен. Флаг – офицером, как личный адъютант адмирала А. Дурасова, Боголюбов совершил поход на 110-ти пушечном корабле «Император Александр I».

Увлечением Алексея с юности, да, пожалуй, с самого детства, стало рисование. Ещё будучи гардемарином, он мастерски рисовал карикатуры на товарищей и преподавателей, причём, делал это всюду, где угодно – на столах, досках, стенах, часто попадая в немилость у начальства. Позднее, тяга к искусству приводила молодого моряка в музеи, знакомиться с работами известных мастеров карандаша и кисти. Алексей сначала выполнял заказы – писал трафаретные портреты Николая Павловича, восполняя небольшое служебное жалованье, затем создавал свои собственные произведения.

Репутация Алексея, как художника, выросла после одного морского происшествия. Во время манёвров в море столкнулись два корабля – «Вола» и «Фер – Шампенуаз». Повреждённую корму «Волы» решили не ремонтировать, некогда было, а замаскировать парусиной, вымазанной сажей. По ней Алексей, подвешенный за борт на беседке, рисовал и раскрашивал разрушенные элементы, получилось совсем неплохо, даже благодарность получил от командира.

Служба А. Боголюбова на Балтике проходила в Петербурге, Свеаборге, Ревеле, Кронштадте. Кронштадт в ту пору являлся базой российского флота, однако, выходы кораблей в море не отличались частотой, изредка транспорты уходили на Камчатку, а посещение иностранных портов вообще было «в диковинку». Морская береговая жизнь текла своим чередом, свободное время офицеры проводили, придумывая себе развлечения, центром которых становился трактир с гордым названием «Мыс Доброй Надежды», моряки, участвовавшие там в потасовках и получавшие по физиономии, на распросы всегда отвечали однозначно: «потерпел крушение у мыса Доброй Надежды». Ездили друг к другу в гости, проводили досуг в обществе женщин.

Появление в кронштадской гавани невиданного корабля «Камчатка» стало большим событием. О планах высокого начальства узнали только за две недели, стало ясно, что фрегат пойдёт в «крестовый поход», что означало плавание с высочайшими особами за границу, с посещением дружественных стран. На «Камчатку» отбирали лучших офицеров и матросов из всех экипажей. На матросской стороне главной улицы Кронштадта – Николаевской, называемой «ситцевой» (другая – солнечная – офицерская была «бархатной») встречавшиеся часто задавали один и тот же вопрос: «Земеля! Ты, как, ещё не «камчадал»?»

Алексею Боголюбову повезло, похлопотали друзья, он попал на «Камчатку». Ему не терпелось поскорее отправиться в поход, неизведанное притягивало и манило. Другие офицеры, отобранные на корабль самим контр – адмиралом И. Шанцем, ходили с гордо поднятой головой, вызывая зависть у неудачников. На устах у всех звучало кем – то сложенное стихотворение:

*«Ус нафабрен
Бровь дугой
Новые перчатки
Это, спросят, кто такой?
Офицер с «Камчатки».*

Высочайшей особой оказался герцог Максимилиан Лейхтенбергский – зять императора Николая I со свитой, направляемый для улучшения здоровья на остров Мадеру (Мадейру). Сын Евгения Богарнэ, пасынка Наполеона и вице – короля Италии от его брака с Амалией

– Августой Баварской, член русской императорской фамилии. Он, как главнокомандующий Корпуса горных инженеров во время инспекционной поездки на Урал сильно простудился и получил осложнение на лёгкие, поэтому тёплый целительный климат острова должен был принести ему облегчение.

Представленный, как и другие офицеры, герцогу командиром корабля лейтенант А. Боголюбов своим художественным воображением сразу нарисовал своеобразную карикатуру Его Высочества: длинное лицо с невыразительными чертами, усы, портивший всё, кривой рот; в мундире, скорее подпоручик, чем герцог. Однако, в разговорах выяснилось, что он не такой, каким казался с виду. Своим тихим, задушевым голосом герцог привлекал к себе собеседника, вызывал уважение глубокими познаниями в искусстве, хорошо разбирался в минералогии и электричестве. С детства хорошо рисовал, писал картины, обладал в Мюнхене известной картинной галереей. В Россию герцог привёз большую коллекцию картин для Академии Художеств, а впоследствии стал её президентом.

На корабле его мучила бессонница, и он часто выходил на палубу покурить. «Чистяки» – офицерские вестовые приносили в герцогскую каюту крепчайший «адвокат» – чай с лимоном, который вообще в плавании употреблялся в больших количествах, правда, для личного состава готовился «кронштадт», представлявший жиденькую заварку, но с сахаром. В свободное от вахт время матросы собирались на баке, обменивались новостями, судачили о высоких гостях или рассказывали небылицы.

Алексей захватил в поход альбом со своими работами. Герцог, просмотрев его, нашёл их исполненными в высоком художественном вкусе, и попросил Боголюбова рисовать для него всё, что найдёт интересным. Воодушевлённый похвалой высочайшей особы, молодой моряк – художник по – новому стал относиться к своему творчеству. Во время стоянок в портах Норвегии и Дании, а в Англии – Саутгемптона, Алексей посещал художественные музеи, съездил в Лондон. Для него было очень важно увидеть произведения знаменитых художников.

Наконец, «Камчатка» подошла к острову Мадере, затерянному вместе с другими меньшими островками – соседями в океане. Крутые отвесные берега острова с неглубокими бухтами делали невозможными подход и стоянку крупных судов, единственной удобной гаванью являлся город – столица Фунчал (Фуншал). Фрегат бросил якорь на рейде, подняв карантинный флаг (в Европе свирепствовала холера).

Месячное пребывание на Мадере благоприятно подействовало на здоровье герцога Лейхтенбергского: прогулки в горы, живительный целебный воздух океана и роз, изысканные вина – мальвазия и мадера, правда, жить молодому царедворцу оставалось немного – два года. Алексея покорила живописная природа острова, величественные виды, открывающиеся с горных террас на город и океан. Здесь произошла его встреча с художником К. Брюлловым, поправившим своё сердечное здоровье. Именитый профессор – друг герцога дал напутствие представленному ему художнику – любителю. Алексей, как и другие офицеры, купил себе двух обезьян и попугаев. Одна маргышка даже послужила впоследствии моделью для скульптора П. Клодта, выполнявшего памятник баснописцу Крылову.

Вторая встреча А. Боголюбова с герцогом произошла во время визита «Камчатки» в Лиссабон в 1850 году. Тогда Его Высочество на прощание сказал: «А вы, господин Боголюбов, мне сделайте то, что начали. Я жду от вас альбом моего вояжа. Желаю вам счастья и науки, и чем быть дюжинным офицером, БУДЬТЕ ХУДОЖНИКОМ, кажется, вы тут вновь успеете.»

Слова «БУДЬТЕ ХУДОЖНИКОМ» оказались пророческими. Алексей Боголюбов окончательно решил идти по пути, указанному герцогом. **ВПЕРЕДИ БЫЛА АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ, НАГРАДЫ, ЗВАНИЯ И ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ КАРТИНЫ, ВОСПЕВАЮЩИЕ МОРЕ И КОРАБЛИ.**

Примечание:

Алексей Петрович Боголюбов (1824–1898) – внук А. Н. Радищева. Сначала моряк, затем художник, учился в петербургской Академии Художеств (1850–1853), выполнил большую серию картин по истории русского флота. С 1873 года жил преимущественно в Париже, приезжая в Россию. На родине был основателем училища рисования в Саратове и Художественного музея имени А. Н. Радищева.

Запретная любовь

В жизни встречается не так уж часто стечение сразу нескольких совпадений, относящихся к одному и тому же названию. Хорошо известное женское имя Светлана в нашем случае связало поэта – романтика Василия Жуковского, носившего это прозвище среди друзей – арзамасцев, его одноимённую балладу, парусно-винтовой фрегат, Великого князя Алексея

Александровича и дочь В. Жуковского – Александру. Вполне возможно, это произошло не случайно, однако, обо всём по – порядку.

В кают-компании фрегата «Светлана», вышедшего 20 августа 1871 года из Кронштадта с визитом в США вместе с корветом «Богатырь» и клипером «Абрек», собрались почти все офицеры корабля. Ждали, что скажет командир эскадры, совершающей поход, вице – адмирал Константин Николаевич Посьет:

«Господа! Случившееся вчера на марсельском берегу бросает тень на весь наш Российский флот! Пьяный дебош, драка, женщины, это недопустимо, господа!

И уже обращаясь к Великому князю, старшему офицеру фрегата, лейтенанту Алексею Александровичу:

«Я, конечно, понимаю Ваше душевное состояние, Алексей Александрович, но доходить до такого, уж слишком!»

Великий князь сидел молча, не произнося ни единого слова, потупив голову.

«Должен сказать, господа, слава Богу, что в нашем кругу есть такие люди, как мичман Алексеев, спасший репутацию старшего офицера и полностью взявший всю вину произошедшего на себя. Алексей Александрович, помните об этом.»

Константин Николаевич Посьет был воспитателем Великого князя Алексея Александровича, одного из четырёх сыновей императора Александра II. С раннего детства он обучал его премудростям морского дела, прививая качества настоящего моряка. Поэтому случившееся с ним происшествие на берегу и в начале похода с болью отзывалось в адмиральском сердце.

Приятная наружность и солидность отличали Алексея Александровича от других своих братьев. С двенадцати лет он свободно изъяснялся на трёх иностранных языках – немецком, французском и английском. Был любимцем в императорской семье, которому многое позволялось. К своему старшему брату Александру – будущему императору питал самые дружеские чувства. На красавца Алексея часто заглядывались многие девушки, особенно фрейлины императорского двора. Была среди них дочь знаменитого поэта – В. Жуковского – друга А. Пушкина и воспитателя отца Великого князя – Сашенька. Она была принята ко двору благодаря близости к нему своего отца.

Молодой красивый Алексей влюбился в Александру Жуковскую – фрейлину своей матери. Сашенька была хороша собою, воспитанна и образованна, но старше Алексея на восемь лет. Местом их постоянных встреч стал Аничков дворец, где часто ставились домашние спектакли. Влюблённые не могли жить друг без друга и решили пожениться. Отец и мать Алексея, конечно, были против такого морганатического брака, и молодым ничего не оставалось, как бежать за границу и там обвенчаться. Однако, по возвращении на родину Синод признал их брак недействительным. Несколько раз Александра обращалась к императрице с позволением обвенчаться с Алексеем в России, да и сам Алексей просил своих родителей об этом. Согласия, конечно, получено не было. Царствующие родители посчитали, что самым лучшим «лекарством» от такой любви станет разлука.

Как раз к тому времени отец Алексея – Александр II получил приглашение от президента США Улисса Симпсона Гранта посетить с дружеским визитом его страну. Вместо себя царь приказал сыну отправиться в этот дальний поход. В России осталась беременная от Алексея Александра, которую тоже срочно отправили в Австрию.

Страдания терзали душу старшего офицера фрегата «Светлана». Он посылал своей матери письма, полные боли и отчаяния: «Я чувствую, что не принадлежу себе, что я не могу оставить их. Есть чувство в этом мире, которое ничего не может преодолеть – это чувство любовь... Мама, ради Бога не губи меня, не жертвуй своим сыном, прости меня, люби меня, не бросай в ту пропасть, откуда мне не выйти...»

Александр часто приходили на память строки из баллады её отца – «Светлана»: «Где ты, милый? Что с тобою? С чужеземною красою, зная в далёкой стороне...» Он понимала, что им не суждено соединиться и нашла в себе силы, чтобы забыть Алексея.

Именно переживания, связанные с потерей любимой, способствовали буйству Алексея на берегу, но инцидент «замяли» благодаря морской выручке и находчивости. В полиции всю вину взял на себя мичман Алексеев, так как французы особенно не стали разбираться в почти одинаково звучащих словах «Алексей» и «Алексеев».

В тот же год, когда Алексей отправился в США, родился его сын, названный в честь отца Алексеем. Уже брат Алексея, император Александр III присвоил ему титул графа Белевского (из города Белева происходил сам Василий Жуковский). Позднее, Александра Жуковская вышла замуж за барона Кристиана Вермана. Алексей никогда не забывал своего сына и заботился о нём, а первая, но настоящая любовь и потеря любимой оставили неизгладимый след в душе Алексея Александровича, окончательно разуверили его никогда больше не жениться. С разбитой первой любовью ушло всё то доброе, имевшее место с детства.

Фрегат «Светлана» посетил тогда не только США, но и много других стран, совершив кругосветное путешествие, и закончил свой поход во Владивостоке. Великий князь Алексей Александрович вернулся домой в 1874 году, позднее получив звание капитана 1 ранга и командование «Светланой». «Золотую молодость» в Российском флоте сменила череда всё новых и новых повышений до звания генерал – адмирала, позволившая Алексею Александровичу почти отойти от службы и проводить время в постоянных увлечениях женщинами, вином, охотой и азартными играми. Не эти ли стечения обстоятельств стали причиной, что после его смерти часто повторяли слова: «В его жизни преобладали вёрткие женщины и неповоротливые корабли», конечно, исключая его первую запретную, но настоящую любовь.

Примечания:

Константин Николаевич Посьет – (1819–1899) – русский адмирал, мореплаватель, видный государственный деятель, потомок древнейшего французского рода, переселившегося в Россию ещё при Петре I.

Александра Жуковская – (1842–1912) – в замужестве баронесса Верман, морганатическая супруга Великого князя Алексея Александровича, брак признан недействительным.

Алексей Белевский – (1871–1931) – незаконнорожденный сын Великого князя Алексея Александровича и Александры Жуковской, внук Александра II, шталмейстер Высочайшего двора, после революции – учёный – биолог.

Мичман Алексеев Евгений Иванович – (1843–1917) – внебрачный сын Александра II, позднее – генерал – адъютант, адмирал, участник ряда дальних походов.

Командир миноноски

*«И стеклянным столбом плеснул снаряд,
И второй, и третий, и два подряд.
Зелёный огонь, короткий гром.
Это мы стреляем, и мы попадём
Бинокль не выскользнет из руки,
Отрывисто лязгают замки.
И снова огонь, толчок и гром,
И осколки визжат кругом...»*

С. Колбасьев, из поэмы «Открытое море».

К эти частым скоротечным речным боям, казалось, нельзя было привыкнуть. Однако, решительность и пренебрежение к опасности молодого командира миноноски «Прыткий»¹⁹ Сергея Адамовича Колбасьева только способствовали успешному выполнению боевых задач Волжской флотилии. Не раз молодой моряк в свои двадцать лет минировал фарватеры, принимал на себя огонь береговых батарей белых, прикрывая вооружённые пароходы и канонерские лодки, идущие в кильватере «Прыткого». Выпускник кадетского Морского корпуса, он не задумываясь, продолжил службу в составе Рабоче-крестьянского Красного флота и в октябре 1918 года был назначен сначала старшим помощником командира, а затем и командиром миноносца «Прыткий». Несколько ранее, 2 августа из Петрограда на Волгу советское правительство отправило четыре миноносца – «Прыткий», «Прочный», «Ретивый» и «Поражающий», которые по Мариинской водной системе (Балтика – Волга) пришли в Нижний Новгород.

Особенно ожесточённые бои с флотилией белых, имевшей в своём составе хорошо вооружённые пароходы, развернулись на реке Каме. Однажды, кораблям Волжской флотилии удалось захватить баржу белых с находившимися на ней 400 пленных красноармейцев и советских работников. Это произошло на правом берегу Камы, выше города Сарапула. На миноносцах вместо красных флагов подняли Андреевские, и белогвардейцы приняли их за своих. Благодаря находчивости красных военморов удалось предотвратить массовый расстрел пленных, назначенный на тот же день. Сергей Адамович прослужил на «Прытком» до мая 1919 года. К тому времени миноносец уже воевал в составе Астраханно – Каспийской флотилии, вооружённый двумя 75 мм орудиями и парой торпедных аппаратов.

Название корабля, которым он командовал, как нельзя соответствовало чертам характера Сергея Адамовича – южный темперамент, унаследованный от матери – итальянки, быстрота принятия решений, одержимость, стремление поспеть всюду первым. Конечно, он очень любил море и морскую службу. Позднее, один из современников С. А. Колбасьева – Н. Чуковский так его описывал: «Это был худощавый, довольно высокий молодой человек с чёрными итальянскими глазами, быстро и много говоривший. Он был прост, приветлив, одержимый литературой, и необычно легко сходившийся с людьми. ...Колбасьев был переполнен рассказами, анекдотами, пословицами из морской жизни, и всё это – то трагичное, то смешное, часто непристойное – он щедро обрушивал на восхищённых слушателей. Стихи он писал тоже только о море...» Сергей Адамович писал не только стихи, но и замечательные морские рассказы, вошедшие в целый ряд книг. Иногда, вместо фамилии С. Колбасьев подписывал свои произведения псевдонимом Ариэль Брайс. Увлекался радиodelом и впервые в советской стране способствовал развитию джазовой музыки.

Судьба свела двадцатидвухлетнего красавца – моряка с талантливейшим поэтом Серебряного века Николаем Гумилёвым, который в своём стихотворении «Память» из цикла «Огненный столп» написал о своём друге – читателе:

*Любил он ветер с юга,
в каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь – его подруга,
Коврик под его ногами – мир.»*

Их знакомство состоялось на Чёрном море, в Феодосии. Колбасьев на свои средства во флотской типографии издал стихотворный сборник Н. Гумилёва «Шатёр». Позднее их пути

¹⁹ «Прыткий» – миноносец, позднее эскадренный миноносец, прототип серии кораблей «Сокол». Создан для России английской фирмой «Ярроу» в Глазго. Обладал высокой скоростью хода, благодаря мощной силовой установке с двумя вертикальными паровыми машинами тройного расширения, удлинённым облегчённым корпусом. Участвовал в Гражданской войне на Балтийском, Каспийском и Азовском морях, на Волге и Каме в составе флотилий. В 1922 году сдан на слом.

разошлись, С. Колбасьев выбрал прозу. Только к финишу своей жизни они подошли почти одинаково, став «врагами народа» и жертвами «красного террора».

Сергей Адамович так и остался стойким и мужественным морским офицером, командиром на мостике неустрашимого миноносца, решительно идущего на врага.

«Я не трушу, я спокоен,
Я – поэт, моряк и воин,
Не поддамся палачу,
Пусть клеймит клеймом позорным —
Знаю, сгустком крови чёрным
За свободу я плачу.»

(стихи неизвестного автора)

Военмор Беломор

Министра финансов царской России Сергея Юльевича Витте, совершавшего поездку по Балтийскому краю и приехавшего в старый город Курляндской губернии – Либаву, встречал в числе других городских властей полицмейстер Александр Егорович Конкевич. Сергею Юльевичу было особенно интересно посетить здешние места, откуда родом происходил его отец –

балтийский немец. Ещё до поездки в Либаву ему не раз приходилось слышать о Конкевиче – моряке, участнике русско – турецкой войны 1877 – 78 годов, писателе, размещавшем свои произведения в разных журналах. Разногласия с морским министерством и последующая вскоре отставка вынудили капитана 2 ранга А. Конкевича покинуть Петербург.

От внимательного взгляда Сергея Юльевича не осталась незамеченной былая морская выправка Конкевича, полицейский мундир с эполетами сидел на нём ладно, как некогда морской китель. Вся его наружность выдавала человека бывалого, много перевидавшего и пережившего. В чёрных, ещё густых волосах уже пробивалась первая седина, высокий лоб прорезали морщины, вот только в выразительных и умных глазах угадывалась какая – то потаённая грусть. Было несколько странно слушать этот необычный голос с прищёптыванием.

«Что ж Вы, батенька, бывалый моряк, офицер императорского флота и вдруг в полицаи подались?» – вопрошал Сергей Юльевич Конкевича. «Васе высокопревосходительство. Не от хоросей жизни, ведь одними писаниями сыт не будесь», – отвечал Александр Егорович. «Знаю, одно время Вы командовали торговыми кораблями на Белом море, не оттуда ли этот псевдоним – Беломор?» «Да, Васе высокопревосходительство, литературных псевдонимов у меня, кроме Беломора есё несколько». «Слышал, Вы активно выступаете против строительства порта Александра III в Либаве, тем самым разделяя и мои взгляды. Вот, что, батенька, российскому флоту Вы будете нужнее, чем отдавать свои лучшие годы прозябанию в полиции. Я предлагаю Вам снова послужить флоту и России, для начала хотя бы в департаменте торговли и мануфактуры по морскому отделу.»

Эта встреча А. Конкевича и министра финансов С. Витте сыграла большую роль в дальнейшей жизни отставного моряка, которая и до этого была насыщенной и разнообразной. Юнкер флотского экипажа, мичман, кругосветные походы на кораблях «Гиляк» и «Боярин», участие в русско – турецкой войне, командующий военно – морскими силами Болгарии, торговый флот Севера – всё это вехи морских дорог Беломора – А. Конкевича.

Он возглавлял отдел торгового мореплавания Министерства финансов, занимал высокие должности в Министерстве торговли и промышленности, Русском обществе пароходства и торговли, Учёном комитете торгового мореплавания, дослужившись до чина тайного советника.

Вместе с С. Витте совершил поездку на Кольский полуостров для выбора места военно-морской гавани – будущего порта Мурманска.

Первые свои литературные публикации А. Конкевич размещал в журналах «Гражданин», «Русские ведомости» и «Русское судоходство». Помимо рассказов о моряках и море Александр Егорович создал фантастические морские романы «Крейсер Русская надежда» и «Роковая война 18... года». Рисуя подробные картины величественных морских баталий, то войны России с Англией, когда русский крейсер одерживает одну за другой победы в Индийском океане, уничтожая английский броненосец «Агамемнон» и другие корабли «владычицы морей», то описывает поражение Италии в битве за Владивосток. Есть в этих утопиях провидческие взгляды, ставшие позже реальностью: применение в морской стратегии быстроходных и хорошо вооружённых крейсеров на бескрайних морских просторах.

Писать об этом мог только настоящий русский военный моряк, безгранично веривший в могущество и непобедимость Российского флота. Вот только, о его последних днях ничего не известно, скончался ли он в Мурманске, либо стал жертвой революционного мятежа 1917 года? **ВОЕНМОР – БЕЛОМОР – А. КОНКЕВИЧ.**

Продолжатели славной фамилии

Страну сотрясали одна за другой важнейшие перемены: Февральская, а затем Октябрьская социалистическая революции. Обстановка, царившая в штабе Командующего флотом Балтийского моря оставалась в целом спокойной, недавно произведённый в капитаны 2 ранга Владимир Александрович Белли, бывший помощником флаг – капитана штаба флота А.М. Щастного, продолжал выполнять свои обязанности. После прихода большевиков к власти он, как и некоторые другие офицеры флота остался на своём посту.

29 января 1918 года был принят декрет о Красном флоте. Молодая Советская республика нуждалась в реорганизации и создании новых военно-морских сил, а для этого необходимо было достраивать корабли, заложенные на верфях ещё до революции и планировать постройку других.

Для В. А. Белли новое назначение командиром на строящийся эскадренный миноносец «Капитан Белли» явилось полной неожиданностью, бывший скромным по натуре человеком, он в глубине души, конечно, радовался и гордился тем, что новый корабль носит имя его знаменитого прадеда, хотя и не по прямой линии и будет принадлежать к лучшему классу судов типа «Новик». Он так вспоминал о своём первом посещении «Капитана Белли»: «Когда я прибыл на эсминец, корабль стоял в достроечном бассейне Путиловской верфи. Степень его готовности была примерно 95 процентов. Не хватало лишь отдельных частей механизмов, которые в то время не могли быть изготовлены на наших заводах из – за отсутствия материалов. На корабле была установлена вся артиллерия, но отсутствовали торпедные аппараты...» Корабль создавался по программе усиленного судостроения, и первой задачей нового командира стал подбор экипажа.

Как – то раз Владимир Александрович встретил в Петербурге своего сослуживца по линкору «Цесаревич» – Акселя Ивановича Берга.

– «Неужто это ты, Аксель Иванович!? – обрадовался встрече Белли, – давненько мы с тобой не виделись. Какими судьбами в Питере? Ведь ты, помнится мне, после линкора ушёл в подводники и служил штурманом то ли в Ревеле, то ли в Гельсингфорсе.»

– «Да, уж не говори, Владимир Александрович», – отвечал А. И. Берг, – «Чудом живым остался, в лодке нашей во время подводного плавания правый электромотор загорелся, и стали мы травиться газами, выделяемыми при горении. Я сознание потерял, очнулся уже в госпитале в Гельсингфорсе. Понял, что всё – таки дотянули до базы, а тут ещё Финляндия из состава империи Российской вышла, ведь революция у нас свершилась. Меня и жену матросы буквально втолкнули в последний поезд в Питер. Вот такие дела.»

– «Не сладко тебе, брат, пришлось, понимаю.»

– «Ну, а ты – то как, смотрю уже капитан 2 ранга, где и кому служишь?»

– «Получил вот назначение на новый строящийся эсминец, а сейчас команду подбираю. Вот, что, Аксель Иванович, вижу ты сейчас не у дел. Давай ко мне, ведь ты в чине лейтенанта, устрой тебя штурманским офицером с исполнением обязанностей первого помощника командира. Как, по рукам?»

– «А что, Владимир Александрович, это дело, по рукам», – согласился Берг.

Вслед за революциями в России началась гражданская война, пришла угроза иностранной интервенции. Свой единственный выход под командованием В. А. Белли эсминец «Капитан Белли» сделал под угрозой обстрела завода. Буксиры вывели его к Николаевскому мосту, подальше от Путиловской верфи, а затем, когда опасность миновала, он вновь вернулся для достройки.

Служба морского офицера – процесс непрерывный: частая смена назначений и мест её прохождения. Весной 1919 года Владимир Александрович становится флагманским минёром недавно созданного в Москве штаба Командующего всеми морскими силами молодой республики, а Аксель Иванович Берг направляется на штабную работу. Впрочем, в жизни и службе этих замечательных людей было потом много важных и интересных событий, принёсших им славу и известность.

Ещё до революции новый строящийся эсминец был назван в честь непрямого прадеда Владимира Александровича – лейтенанта британского флота Генри Белли, принятого на службу в России и прозванного на русский манер Генрихом Генриховичем или Григорием Григорьевичем. Поэтому не зря на фамильном гербе Белли красовался девиз, гласящий «Где хорошо, там и родина!» («Ubi bene, ibi patria»). Григорий Григорьевич Белли отличился во

многих морских баталиях и походах, был любимцем самого адмирала Ф. Ф. Ушакова. В боях против французов в 1799 году, командуя десантным отрядом, освободил итальянский город Неаполь. За эту викторию император Павел I вручил ему – капитану 2 ранга высший орден Анны I – й степени, которым награждались только адмиралы. Командовал кораблём «Азия», входившем в состав эскадры вице – адмирала Д. Н. Сенявина, во время 2 – й Архангельской экспедиции против Франции в 1805–1807 годах. Дослужился до контр – адмирала.

Прямой прадед Владимира Александровича – Василий Васильевич Белли являлся ближайшим родственником Григория Григорьевича. Василием Васильевичем он стал прозываться в России, куда прибыл из Шотландии и поступил на службу в Архангельске, став директором Ширшимских заводов. Сын В. В. Белли – Александр Васильевич служил в русском флоте в чине капитана 1 ранга, был дедом героя нашего повествования.

Владимир Александрович Белли, имевший такую богатую родословную, как и его предки, посвятил свою жизнь Российскому флоту. Выпускник Морского корпуса, служил на кораблях «Цесаревич» и «Аврора», принимал участие в спасении жителей итальянского городка Мессина, пострадавших от землетрясения, когда Балтийский отряд кораблей посещал Италию, совершил поход на крейсере «Аврора» в Сиам в 1911 – 12 годах. От корабельного гардемарина до контр – адмирала – таков послужной список чинов и званий В. А. Белли. Последующие годы жизни и службы В. Белли были связаны с различными военными организациями и учреждениями, работой за границей и преподавательской деятельностью в Военно – Морской Академии. Он внёс огромный вклад в развитие морской стратегии, ведения операций на море, написав на эту тему целый ряд статей и книг. Владимир Александрович был одинок, конечно, за свою долгую жизнь (1887–1981), он встречал многих женщин, но вот семью не создал, а почему, мы этого уже никогда не узнаем.

Аксель Иванович Берг, в удивительной судьбе которого В. Белли сыграл далеко не последнюю роль, впоследствии стал выдающимся учёным, Адмиралом – инженером, академиком, настоящим корифеем российской науки.

А что же эсминец «Капитан Белли»? Достроенный, так же как и его сестершипы – «Капитан Керн», «Капитан Зотов», «Капитан Кроун» и «Лейтенант Дубасов», состоял в 1919 году в системе внутренней обороны Петрограда. С революционных времён проходил боевую службу и даже принял участие в Великой Отечественной войне, правда, уже переименованный в «Карл Либкнехт», сопровождая конвои на Северном флоте. Атаковал и утопил немецкую подлодку U 286.

Так и остались они навечно продолжателями славной фамилии – КОМАНДИР И ЕГО КОРАБЛЬ!

«Выбираю море»

Людвиг заканчивал своё обучение в Кронштадтской начальной гимназии. На этот остров – крепость – морскую базу Российского флота его родители переехали из Лифляндии, местечка Ринген, родового имения деда Людвиг – пастора Августа Людвиг Кербера, где и родился мальчик – их первенец. После окончания медицинского факультета Дерптского университета его отец – Бернгард по направлению Морского ведомства был назначен сюда на должность младшего ординатора в кронштадтский госпиталь. Хотя решение о дальнейшей учёбе Людвиг окончательно утвердилось на родительском совете: он поедет учиться в Санкт-Петербургскую немецкую гимназию Петришуле, отец постоянно напоминал сыну о родовом обете

далёкого предка поколения Керберов – бывшего рыцаря Отто фон Кербера – сподвижника самого Мартина Лютера, обязывающего всех последующих представителей фамилии посвящать служению протестантской церкви, либо, в редких исключениях, медицине. 12 – летнему Людвигу, конечно, трудно было представить себя в будущем в пасторской ризе, и мальчик как – то об этом серьёзно не думал. После занятий в гимназии он любил бродить по городу – крепости, особенно привлекали его Петровская пристань и парк. Людвиг мог долго стоять у причала и наблюдать, как приходят, швартуясь корабли, а другие, наоборот, готовятся покинуть морские ворота.

В один из таких дней, когда он не спешил возвращаться домой, а задержался на пристани, кто – то его окликнул. Людвиг оглянулся и увидел бравого человека в морской форме, в лихо сдвинутой на затылок бескозырке. В его облике выделялись хитро прищуренные глаза и закрученные кверху кончики чёрных усов.

«Что, братишка, никак не насмотришься на море и корабли? Я тебя давно заприметил.»

«Вижу, дяденька, вы моряк, а на каком корабле плаваете?» – не растерялся Людвиг.

«Ну, ты даёшь, малёк, знай, что на кораблях не плавают, а ходят. Правда, я своё уже отходил, бывал на многих коробках, по морям и океанам помотался, пока вот на берег не списали.»

«А трудно ли по морю на корабле ходить?» – снова спросил Людвиг.

«Кто любит море, не боится трудностей, тому, конечно, оно покоряется. Я чувствую, морская стихия в твою душу сильно запала. Значит, выйдет из тебя настоящий моряк.»

«Правда, а мне вот папенька пророчит пастором стать, как и все мои предки им становились.»

«А ты, если море любишь, на своём стой, мечте не изменяй. Вижу, вот тебе крест, в морях твои дороги. Ещё не раз вспомнишь эти слова. Ну, ладно, давай, мне ещё в порт заглянуть надобно, прощевай, малёк!»

Людвиг ещё долго смотрел вслед уходящему матросу, а в памяти всё звучали слова незнакомца. Видимо, эта встреча стала решающей в его дальнейшей судьбе.

Четыре года учёбы в немецкой школе Санкт – Петербурга пролетели как – то незаметно. Людвигу хорошо давались иностранные языки, которым в заведении придавалось большое значение. Ещё сильнее окрепло у Людвига желание стать моряком, когда он узнал, что его Петришule основана в 1709 году знаменитым адмиралом Корнелиусом Крюйсом по указу самого Петра I.

Наступил 1879 год. Людвиг Кербер, как и другие выпускники Петришule получил памятный золотой перстень с гравировкой «S P» (Schola Petrina), как символ посвящённости. Не смотря на увещания и отговоры родителей Людвиг Кербер решительно избрал Морской кадетский корпус Петра Великого, куда и был зачислен 12 сентября 1880 года. Отсюда начался славный путь, по которому, как по фарватеру, шёл будущий вице – адмирал Российского флота Людвиг Кербер – Лев Фёдорович Корвин.

ЕГО БЕЗУПРЕЧНАЯ СЛУЖБА ПРОХОДИЛА НА МНОГИХ КОРАБЛЯХ, ОН УЧАСТВОВАЛ В РУССКО – ЯПОНСКОЙ И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНАХ, БЫЛ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ОДНАКО, ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ТАК И ОСТАЛСЯ НА ЧУЖБИНЕ. ЕГО ИМЯ НОСИТ МЫС В ЯПОНСКОМ МОРЕ, ОТКРЫТЫЙ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕДИЦИИ НА КОРВЕТЕ «ВИТЯЗЬ» С ЕГО УЧАСТИЕМ.

Фёдор Рейнгард: «умереть на родине»

«Как зеркало своей заповедной тоски, свободный человек, любить ты будешь море.»

Ш. Бодлер

Бывший капитан 2 ранга императорского флота России Фёдор Рейнгард возвращался на родину, где не был целых 18 лет. Вместе с радостью, переполнявшей сердце, его не покидало чувство беспокойства и какой – то неуверенности в завтрашнем дне, постоянно думалось, как

примет его родной край. За долгие годы морской службы он привык выполнять свой долг, где всё было предельно ясно: есть приказ идти воевать, значит надо идти, менять место службы – исполнено беспрекословно.

За плечами – русско-японская война, участие в обороне Порт – Артура, ранение, плен, освобождение, служба на Балтийском и Северном флотах. Жизнь его круто изменилась после событий 1917 года. Он отказался служить новой власти. Затем была Украина, Турция, где скитался вместе с семьёй, добывая пропитание различными случайными заработками. Спасло то, что он имел право на литовское гражданство. И вот, наконец, после долгих жизненных странствий, 14 апреля 1922 года Фёдор Рейнгард приезжает в независимую Литву, в Каунас.

С грустью он вспомнил, как последний раз, в 1904 году, уже окончив Морской корпус, отбывая в Квантунский экипаж на войну, на один день заскочил к родителям в Кейданы (Кедайнай). Лаконичные слова телеграммы, высланной им тогда: «С утра встречайте, вечером провожайте». На проводах отец – старый вояка, командир артдивизиона, прощаясь, не скрывал своих слёз, что тогда очень потрясло Фёдора. Он, единственный из пяти братьев, был рядом на похоронах отца, бросив горсть земли в могилу на Симферопольском кладбище.

Фёдор гнал от себя беспокойные и грустные мысли, но вот появилась и уже не покидала надежда и уверенность в том, что его богатый опыт и знания бывалого военного моряка очень понадобятся молодой республике.

В 1892 году в Ковно (Каунасе) начиналась его учёба в гимназии. Тогда это был провинциальный город, а теперь он приехал в столицу независимого государства. Родная земля, на которой два с половиной столетия жили предки Фёдора. Да и не Фёдор он теперь, а Теодорас, Теодорас Рейнгардас.

В своих воспоминаниях «Моряк, офицер, смертник» он своеобразно описывает столицу: «Каунас был не похож на европейский город, скорее, на какой – нибудь Шанхай, Сайгон или Гонконг, Сингапур или Суэц, город европейская часть которого сильно отличается от «чабувишкос» (использует слово «*čiauviai*» – «здесь бывшие», т. е. «местные» – разношёрстная часть населения – выходцы из других стран – Польши, России и пр.) В глаза бросались только две части. В европейской – улицы достаточно широки, чисты, удобны. В местной – на улицах старого города нельзя даже разехать не только повозкам, но и разойтись пешеходам... Местные отгораживаются от европейских. В их руках была вся торговля и промышленность. Они были богаче, их дамы одевались наряднее, наверняка диктуя моду европейцам и другим азиатам. Они отмечали два дня в неделе – субботу и воскресенье, тогда всё было закрыто и ничего нельзя было купить. «Чабувиай» – «местные» выходили на улицы подышать, покрасоваться одеждой и поделиться новостями, тогда Каунас ходил на Неаполь, поскольку своей внешностью эти «чабувиай» напоминали итальянцев или другой средиземноморский народ. Улицы имели названия на двух языках: литовском и «чабувском» (читай – «русском»).

Служба Фёдора Рейнгарда в Литве начиналась с должности начальника ремонтно – оружейной мастерской, а затем – артиллерийской в звании подполковника. В воспоминаниях не только ей уделено место:

«Помимо основной службы в артиллерийской мастерской мне пришлось часто ездить в зарубежные командировки, принимать различное вооружение для литовской армии, проводить экспертизу его качества. Во время посещения Литвы иностранными военными кораблями я их встречал артиллерийским салютом.

После войны русские, немцы ... оставили после себя своё оружие и взрывчатку. Мне надлежало проверить всё это, а те, которые использовать было опасно, отобрать, переработать или уничтожить. К примеру, восемь тысяч морских мин весом 50 кг каждая, пришлось обезвредить и вывезти в море на глубину. Это было опасно, в некоторых, очень ржавых, часть заряда рассыпалась по палубе баржи, и если какой – то солдат, обутый в сапоги, подбитые железными гвоздями, ступал на это, происходил страшный взрыв. Мины заряжались тринитротолуолом

и пикриновой кислотой, последняя, в соприкосновении с металлами образовывала пикраты – нестабильные взрывчатые вещества.»

Фёдор Рейнгард становится преподавателем в Каунасской высшей технической школе, читает лекции слушателям мореходного отделения. Его по – прежнему влекло море, и он мечтал о создании литовского торгового флота:

«Литве тогда принадлежал достаточно большой берег Балтики с хорошо оборудованным клайпедским портом, хотя она и не имела ни одного корабля под своим флагом, и всё вывозилось кораблями других стран. С детства мечтавший стать моряком, я всеми силами старался, чтобы Литва имела свой торговый флот: писал в газеты несколько статей, прививал общественности интерес к морю и кораблям, разъяснял, сколько средств теряет государство, уплачивая за фрахт другим странам за транспортировку товаров, и что такие небольшие страны, как Дания, Норвегия и Швеция разбогатели только за счёт того, что вовремя создали свой торговый флот...»

Фёдор стал редактором нового литовского журнала «Инкарас» («Якорь»), имевшего огромное значение для популяризации морских знаний.

В литовской армии он дослужился до звания полковника лейтенанта:

«Служба в литовской армии поначалу пришлась мне не по душе, так как не походила на ту, к которой я привык. Должно было пройти немало времени, чтобы мне, морскому офицеру, свыкнуться с особенностями сухопутной службы. Даже то, что меня, капитана 2 ранга, сейчас называли полковником, поначалу «резало уши».

Став пенсионером, Фёдор организовал акционерное корабельное общество «Lietgar» – «Lietuvos garlaiviu ir prekybos akcine bendrove» – «Литовское пароходно – торговое акционерное общество» на средства немецкого и французского банков. Немецкая фирма «Bremerhavene Schuchmanns» вступила в него с двумя своими пароходами – «Паланга и «Клайпеда». Сам Рейнгард, пожелав ещё выходить в море, в руководство общества не входил. Для первых рейсов он взял с собой около тридцати молодых подготовленных юношей из Каунаса для формирования экипажей судов. Когда немецкий флаг на кораблях заменили на литовский, ни один немец не захотел дальше нести службу на судне, все они уволились, их заменил литовский экипаж. За первый год эксплуатации оба парохода принесли значительную прибыль в фунтах стерлингах. Общество, к сожалению, было ликвидировано, но Ф. Рейнгарду удалось за это время почти два года проходить на «Паланге».

После ликвидации «Lietgar,a» Фёдор возвращается в Каунас и устраивается на работу в автобусный парк. Знание техники позволяет ему внести ряд полезных новшеств. До 1940 года продолжает трудовую деятельность инженером – строителем. По своему проекту строит собственный дом на Зелёной горе.

Совсем нелёгким оказалось пребывание Рейнгарда на родной земле. С приходом советской власти он был арестован и заключён в тюрьму, позднее переведён в IX форт для приведения в исполнение высшей меры наказания. В начале второй мировой войны ему удаётся совершить побег, скрываться и только в 1944 году перебраться к брату в Австрию. Семья отказалась ехать с ним за границу и осталась в Каунасе.

Как много пережито за всю эту жизнь. Оставшись совершенно один, уже больной, он писал: «Умереть хотел бы на родине, в Укмерге, где белым цветом наливаются сады...»

Не довелось, он умер на чужбине, в Германии. МОРЯК, ОФИЦЕР, СМЕРТНИК.

Морской вояж Карла Брюллова

Художник Карл Павлович Брюллов стоял на палубе российского брига «Фемистокл», ощущая приятное дуновение свежего морского ветра. Дышалось легко, радость наполняла душу, наконец – то удалось почти полностью оправиться от болезни. Правда, было немного жаль, что так неожиданно прервалось путешествие по Греции, предпринятое им по приглашению графа В. Давыдова, и ему пришлось покинуть своих спутников в Афинах, где его сразила проклятая жёлтая лихорадка. Слава Богу, благодаря стараниям Григория Григорьевича Гагарина, служившего в греческом посольстве, ранее сблизившегося с ним в Италии, удалось преодолеть болезнь и оказаться на этом корабле.

Новый 18 – и пушечный бриг «Фемистокл» под командованием молодого лейтенанта Владимира Алексеевича Корнилова, как один из лучших и образцовых кораблей Черноморского флота, был выбран русским послом в Константинополе А. Бутенёвым для выполнения особых поручений дипломатической миссии. Одновременно корабль направлялся для смены русских судов в Греции. В конце 1834 года «Фемистокл» прибыл в греческий порт Пирей, соединившись с корветом «Ифигения», которым командовал лейтенант Е. Путятин. Ожидая приказа для дальнейших действий, бриг встал на якорь в заливе Алебелаки у греческого острова Саламин.

Брюллов с восхищением смотрел на расстилавшийся невдалеке живописный остров с разбросанными по нему белоснежными старыми церквями и монастырями, широкими бухтами, поросший зелёными хвойными лесами. По гавани Амбелакия сновали рыбацкие лодки, воздух был наполнен пронзительными криками чаек, изумрудная морская гладь сверкала под лучами яркого солнца. Художник так увлёкся созерцанием прекрасных видов, открывавшихся с палубы, что не сразу заметил оказавшегося с ним рядом Владимира Алексеевича Корнилова:

«Уважаемый, Карл Павлович! Вы, я вижу совсем оправились от болезни. Морской воздух пошёл Вам на пользу. Это замечательно!» «Да уж, Владимир Алексеевич, не без Вашей помощи. Благодарю Вас премного. Вот я сейчас смотрю на остров Саламин, дивлюсь и вспоминаю древнюю историю. Вам, наверно, известна знаменитая битва при Саламине, когда греческий флот во главе с Эврибиадом и Фемистоклом, состоящий из 380 судов, разбил персидский флот Ксеркса, почти в три раза его превосходящий. Постойте, постойте! Ваш бриг, кажется, носит название «Фемистокл». Вот ведь, как бывает порой. Совпадение обстоятельств? Как можно такое назвать? Не случайно всё это.» «Преклоняюсь, Карл Павлович, перед Вашим блестящим знанием истории. Это действительно интересно, что так совпало.

В этом сражении афинский военачальник Формион применил свой атакующий маневр – анастрофу, названный его именем. Греческие суда, миновав линию врага, резко меняли курс на сто восемьдесят градусов, с целью атаки персидских кораблей с кормы – наиболее уязвимого места.» «Вы, Владимир Алексеевич, интересный собеседник, и с Вами приятно общаться.»

С того первого разговора Брюллов и Корнилов прониклись друг к другу симпатией, и за время следования брига в Константинополь их беседы чаще всего происходили в каюте, где к ним присоединился и ученик К. Брюллова – Г. Гагарин.

Карл Павлович, обладавший особой наблюдательностью и острым взглядом художника, отметил царившую на корабле железную дисциплину, уважение подчинённых к своему командиру, исполнительность матросов, их готовность всегда прийти на помощь в трудных ситуациях. Это ещё больше сблизило художника с командиром брига. Сам Корнилов в письме своему двоюродному брату писал позднее: «Весьма доволен Брюлловым, он оправдал моё доброе мнение о его доброте и чистоте характера».

Путешествие К. Брюллова и Г. Гагарина на бриге «Фемистокл» в Константинополь продолжалось всего несколько дней. За это время Г. Гагарин, направлявшийся в русскую дипломатическую миссию, успел в рисунках запечатлеть матросов и Брюллова в широкополой шляпе, стоящего на корме, кормящего чаек, а Карл Павлович, совсем оправившийся от болезни, очарованный «командиром лучших кораблей» (так называл В. Корнилова его начальник – Михаил Петрович Лазарев), решил написать портрет Владимира Алексеевича прямо на борту корабля.

На нём – молодой командир брига, а ему в ту пору было 29 лет, изображён в полный рост, стоящим на корме, у медной корабельной пушки. Отличная военная выправка офицера в морском мундире, устремлённый вдаль взгляд голубых глаз – во всём художник стремился передать благородство и особое умение держать себя, не смотря ни на что, даже в минуты опасности, не склонять головы. Таким и оставался в дальнейшем будущий герой Крымской войны, которому суждено было прожить ещё 19 лет, увенчав себя славой в «Русской Трое» –

Севастополе. Картина выписана с особой тщательностью, подмечена даже мельчайшая деталь – пригревшаяся на солнце муха, севшая на лафет орудия.

В Константинополе дороги художника и моряка разошлись. Карл Павлович Брюллов поспешил в Россию, через Одессу он вернулся в Москву, затем по предписанию государя занял должность профессора в Академии Художеств. Владимир Алексеевич Корнилов получил за поход звание капитан – лейтенанта, став в 1836 году командиром корвета «Орест», а итогом непредвиденного морского вояжа К. Брюллова и встречи его с В. Корниловым стал знаменитый портрет последнего.

Граф Владимир Петрович Орлов – Давыдов (1809–1882) – любитель старины, служивший по дипломатической части, коллекционер старопечатных книг, писатель, организатор научного путешествия на Восток (По Ионическим странам, Греции, Турции и Афонскому архипелагу) в 1835 году. Он и предложил Л. Брюллову принять участие в этой экспедиции, на что тот охотно откликнулся. Согласно условию между Давыдовым и Брюлловым последнему надлежало запечатлеть природу, древние памятники и уклад жизни Греции.

Фемистокл – афинский полководец времён греко-персидских войн, стремившийся превратить Афины в сильную морскую державу.

Корнилов Владимир Алексеевич (1806–1854) – вице – адмирал, российский флотоводец, герой Крымской войны.

Гагарин Григорий Григорьевич (1810 – 1893) – князь, дипломат, художник, ученик К. Брюллова, приятель М. Лермонтова.

Лазарев Михаил Петрович (1788–1851) – известный русский флотоводец и исследователь, Адмирал, участник первой русской антарктической экспедиции, наставник В. А. Корнилова.

В служении музыке и флоту

Молодой лейтенант флота с лихо закрученными кверху усами ля «guidon de bicyclette» шагал по улицам посёлка – дальней российской окраины, носившего название Владивосток. Постоянные спуски вниз и крутые подъёмы делали прогулку весьма утомительной, но это никак не отражалось на настроении офицера. Главную базу Сибирской флотилии и сам городок нарекли «концом света», здесь заканчивалась Российская империя, а дальше, за бухтой Золотой Рог простиралось только море. У лейтенанта была слишком необычная для восприятия фамилия – Зилоти, хотя имя и отчество звучали совершенно по – русски – Сергей Ильич. Офицер с удовлетворением отмечал, что многие улицы Владивостока именовались названиями русских кораблей – фрегатов и корветов – Светланская, Алеутская, Абрекская, Тунгусская, Манджурская и др. Глубокий овраг разделял улицы Портовую и Светланскую, когда – то он был Машкиным (по фамилии поручика Машкина, тут стояла его батарея), а сейчас именовался Клубным, на этом месте располагалось здание Морского собрания. Сергей Ильич представил, как веселятся там сейчас свободные от службы офицеры, поглощая несметное количество привозного горячительного «зелья», «дуются» в карты и флиртуют с местными барышнями, недостаток которых ощущался особенно остро в этих забытых Богом краях. Недолго думая, он решил направиться прямо в апартаменты «покровительницы искусств» госпожи Галецкой. У входа в большую залу его встретила сама хозяйка дома – стареющая дама весьма приятной наружности. Сергей Ильич отметил изысканный туалет Галецкой, очевидно заказанный прямо из Парижа через китайский магазин на Алеутской, так делали богатые и модные дамы Владивостока. Среди немногочисленных гостей Галецкой царил полное уныние, темы для разговоров были исчерпаны, и присутствующие лишь изредка обменивались короткими фразами. Появление в доме молодого красивого морского офицера вызвало оживление. Дамы стали бойко перешёптываться, бросая восхищённые взгляды в сторону Сергея Ильича. «Что – то невесело у Вас, господа!» – громко произнёс Зилоти, заметив на возвышении одиноко стоящее фортепиано. И уже обращаясь к хозяйке: «Вы, позволите?…» – быстро прошёл к инструменту,

удобно расположившись за ним. Несколько мгновений, как – будто что – то припоминая, Сергей Ильич вдруг положил руки на клавиши и начал играть.

Чудесные звуки фантазии – ноктюрна на тему цыганского романса композитора А. Дюбюка сменились мелодией «Не искушай меня без нужды» М. Глинки, затем прозвучал опус 265 «Страдания любви» Франца Бера. Зилоти играл мастерски, и окружившие его посетители салона не скрывали своего восторга, бурно аплодируя Сергею Ильичу. Важный седой господин, обращаясь к закончившему играть офицеру, неожиданно произнёс: «Такое виртуозное исполнение мне приходилось слышать только один раз в Петербурге на концерте знаменитого пианиста Александра Зилоти.» «Не стоит удивляться, я – его старший брат», – заключил Сергей Ильич. У присутствующих на небольшом импровизированном концерте вытянулись лица, в то время о Александре Зилоти – ученике Ф. Листа знала вся Россия, ну а его брат пока оставался в тени.

Встав из – за фортепиано, Сергей Ильич, обращаясь ко всем, произнёс: «Господа! Благодарю Вас, что почтили меня своим вниманием, а теперь пора сделать важное заявление. Внимание, господа! Я хочу организовать театральную труппу для постановки театрализованных представлений. Поэтому прошу всех желающих, как женщин, так и мужчин прибыть завтра в здание Морского собрания для отбора. Наверняка, у многих из вас таятся ещё нераскрытые таланты и неисчерпанные возможности, я лишь только помогу вам их раскрыть. Итак, жду вас завтра, господа!»

Ещё в юношеские годы в родной Знаменке Сергей слыл организатором хоров и творческих коллективов. По деревне собирал солистов из церкви и среди крестьян, всех тех, кто хотел петь. В этом ему помогали родные. Особенно полюбились Сергею цыганские песни. Созданный им хор пел их так здорово, что послушать его приезжали цыгане из окрестных мест и восхищались. Вообще, в доме семьи Зилоти никогда не смолкала музыка. Помимо игры на фортепиано Сергей Ильич писал романсы и пьесы, сочинял стихи, любил театр. Так уж повелось в роду Зилоти – сыновья становились офицерами. Александр и Сергей готовились поступать в Морской корпус. Однако, до поступления у младшего брата Сергея Александра выявили талант прекрасного пианиста, и он решил развивать его дальше. Сергей стал морским офицером, обладающим музыкальным даром и хорошими организаторскими способностями.

В обыденную и серую жизнь провинциального Владивостока С. И. Зилоти внёс живую струю веселья и занятости, свойственную театрально – артистическим кругам Петербурга. Выявив незаурядное сценическое дарование у местной молодёжи, жён и дочерей офицеров, чиновников, он проводил долгие репетиции в исполнении ролей, учил нужным жестам и движениям, соответствующим музыкальному сопровождению в спектаклях. Большим событием в культурной жизни тогдашнего Владивостока стали два концерта, устроенные Сергеем Ильичом – «Неаполитанский вечер» и «Хор цыган». Вот как вспоминает об этом один из сослуживцев С. И. Зилоти – контр – адмирал Д. В. Никитин – Фокагитов: «В дни концертов весь Владивосток наполнял собою концертный зал старого Морского собрания. Находившаяся на галёрке молодёжь с эскадры пришла в несказанное изумление.

Перед нею на сцене были полные красы, южного огня и страсти пылкие неаполитанки в своих живописных национальных костюмах или томные, как – бы зовущие к себе, в свой табор, цыганки в пёстрых шалях. Скромные владивостокские «кисейные» барышни были как – бы перевоплощены рукой опытного, умелого режиссёра. Им не было введено ни одного жеста, который бы можно было назвать «нескромным». Весь эффект достигался каким – нибудь неуловимым поворотом головы вовремя или чуть заметным движением плеча. Мичмана не могли узнать своих знакомых барышень, за которыми они до этого лишь снисходительно ухаживали, достаивая их иногда приглашения на тур вальса во время вечеров в собрании.

Успех обоих вечеров был такой потрясающий, что наши адмиралы и командиры, сидевшие в первых рядах кресел, иногда с опасением оборачивались, слыша бешеные выражения

со стороны молодого офицерства и шептали один другому: «С ума сходят наши мичмана. Кажется, они скоро все полезут на сцену.»

В Петербург С. И. Зилоти вернулся уже опытным режиссёром – постановщиком. В 1887 году в Липецке он познакомился с Верой Фёдоровной Комиссаржевской, приехавшей лечиться на воды. Их сблизило общее увлечение театром и музыкой, и вскоре они обручились, однако, Вера Фёдоровна так и не стала его женой, до конца дней оставаясь «своей» в семье Зилоти.

Музыка всегда шла рядом с службой Сергея Ильича. Не велик его послужной список: Морской корпус, флаг – офицер (адъютант адмирала С. Макарова) эскадренного броненосца «Император Николай I», старший адъютант с 1902 года, участник Русско – японской войны, кавалер многих наград, капитан 1 ранга с 1908 года, в 1911 году – генерал – майор Адмиралтейства, в 1914 году – генерал – лейтенант, что соответствовало званию вице – адмирала. К сожалению, остались неизвестными последние дни жизни С. И. Зилоти. С началом Первой мировой войны он – на действующем Балтийском флоте. Погиб 27 ноября 1914 года во время установки минных заграждений дивизионом эсминцев (минных крейсеров) в районе Мемеля и Полангена.

Напоминанием о таланте и творчестве Сергея Ильича Зилоти (1862–1914) остаются созданные им романсы «Как хорошо!» и «Ах, да пускай свет осуждает» в исполнении русских певиц Вари Паниной и Анастасии Вяльцевой. В память о нём звучит «Итальянская полька» С. Рахманинова (его двоюродного брата), посвящённая знаменитому моряку и музыканту.

«le guidon de bicyclette» – (фр. «велосипедный руль»)

Дюбюк Александр Иванович – русский композитор французского происхождения;

Франц Бар – немецкий композитор.

Кильский поход Леонида Белова

Известие о своём участии в новой кампании Императорского российского флота обрадовало Леонида Демьяновича Блинова. В ноябре 1894 года после окончания курса в Академии художеств его назначили художником Морского министерства. Предшествующие годы стали

для Блинова школой дальних заграничных плаваний и кругосветок, в которых создавались этюды для будущих картин. Морская стихия, корабли, портовые города и люди, посвятившие себя морской службе, находившие отражение в творчестве Леонида Блинова, представляли интерес для военно – морского учебного отдела министерства, имевшего в своём штате ряд художников – маринистов, таких, как он.

Леонид Демьянович ещё раз прочитал полученное от Морского министерства предписание о прикомандировании его в должности художника на флагманский корабль Практической эскадры Балтийского флота – броненосец «Александр II», направлявшийся в Германию по случаю открытия Кильского канала («Кайзер – Вильгельм – канала»), в распоряжение командира корабля капитана 1 ранга К. Никонова. Привычные сборы в дорогу не заняли много времени. Предстояло отправиться в Кронштадт, где готовился к отплытию флагман Кильского похода.

Эскадренный броненосец «Александр II» благодаря строгим распоряжениям командира перехода контр – адмирала Н. Скрыдлова удивлял безукоризненным внешним видом и слаженной работой всего экипажа. Предшествующий разнос адмирала возымел действие, и сейчас, подготовленный к бою и походу, он мог по праву считаться лучшим посланником российского флота за рубежом.

Л. Д. Блинов представился контр – адмиралу Н. Скрыдлову и командиру корабля К. Никонову.

«Наслышан о Вас, наслышан. Николай Матвеевич Чихачёв говорил, что гордится иметь Вас в списках художников министерства, – приветствуя Блинова, говорил контр – адмирал, – Что ж, располагайтесь, Леонид Демьянович, завтра поутру выходим. Зарисуйте самые интересные моменты открытия кайзеровского канала. Появятся какие – либо пожелания, милости прошу, это к Константину Петровичу Никонову. Успехов Вам.»

В отряд Н. Скрыдлова вошли ещё два российских корабля – крейсер «Рюрик», ушедший ранее в Гамбург, и канонерская лодка «Грозный».

Обычно Леонид Демьянович в дальних плаваниях и походах не засиживался в каюте, чаще всего его можно было видеть на ходовом мостике корабля простым наблюдателем или создающим свои эскизы и наброски. Вот и сейчас Л. Блинов, расположившись на крыльях ходового мостика броненосца, смотрел на суровое Балтийское море, отмечая в кильватерном строю позади, зарывающуюся в гребнях волн, канонерскую лодку сопровождения.

По плану командования отряд Н. Скрыдлова должен был встретиться с французскими кораблями в датских водах, чтобы показать немецкому кайзеру незыблемую прочность русско – французского союза. Поприветствовав друг друга, союзники пришли на Кильский рейд и встали на бочках недалеко друг от друга. Взоры всех были прикованы к личной яхте Вильгельма II «Гогенцоллерн», больше похожей на мощный миноносец.

Празднества в честь открытия Кильского канала, сократившего путь из Северного моря в Балтийское с 600 до 150 миль, начались 20 июня 1895 года и продолжались почти целую неделю. На Кильском рейде присутствовали военные корабли 14 государств, среди них – новейшие английские броненосцы, крейсер и 3 фрегата.

Кильский канал поразил воображение художника Л. Блинова своей шириной, шлюзовыми сооружениями и высокими мостами, перекинутыми с одного берега на другой, обеспечивающими свободный проход океанских кораблей. В самом конце канала специально для торжественного обеда построили необычное здание в виде огромного парусного корабля. Праздничные парады, манёвры, визиты и встречи не мешали работе Леонида Демьяновича, наблюдая за всем этим, он набрасывал эскизы, делал рисунки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.